

18. Лотман Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПБ», 2010. С. 557-567.

19. Лотман Ю. М. Проблема «обучения культуре» как типологическая характеристика // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПБ», 2010. С. 417-425.

20. Лотман Ю. М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 25-33.

21. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

22. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. 272 с.

23. Мечковская Н. Б. Семиотика Язык. Природа. Культура. 2-е изд., испр. М.: Академия, 2007. 432 с.

24. Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст: коллективная монография / отв. ред. И. В. Демин. Самара: Самар. гуманит. акад., 2018. 270 с.

25. Франк С. К. Взрыв как метафора культурного семиозиса // Новое литературное обозрение. 2012. № 3 (115). С. 12-30.

Реконструкция и конструкция прошлого: оппозиция или единство интерпретаций?

Борисова Т.В., Самара

д. филос. н., профессор кафедры философии,
Самарский государственный технический университет

Анисимова С.Ю., Самара

преподаватель кафедры философии,
Самарский государственный технический университет

На конкретных исторических примерах проводится сравнительный анализ реконструкции и конструкции исторического прошлого в процессе его интерпретации.

Ключевые слова: процедуры интерпретации, реконструкция, конструкция.

T.V. Borisova, S.Yu. Anisimova, Samara

Reconstruction and construction of the past: the opposition or the unity of interpretations?

For specific historical examples, a comparative analysis is carried out of the reconstruction and construction of the historical past in the process of its interpretation.

Keywords: interpretation procedures, reconstruction, construction.

Подчеркнём, что вариации социальной предметности, как фрагменты и состояния прошлого, историческая память общества воссоздаёт с помощью процедур интерпретаций. А так как по устоявшейся философской традиции любая эмпирическая предметность в социуме существует как результат деятельности индивидуального или коллективного субъекта, то по меткому замечанию известного отечественного философа В. С. Библера, любой социальный предмет – есть воспроизведение чего-то. И как следствие сказанному, получается, что историческая память общества, не «...отражает, а отображает, создаёт и передаёт образы социального мира» [3, с. 99]. Именно отображение, а не отражение выступило когнитивным основанием для создания идеализированных мыслительных конструкций социальной предметности. Но процесс интерпретации – процессу интерпретации рознь! В одном случае в рамках процедуры интерпретаций осуществляется тенденция отождествления прошлого с настоящим. В результате этого, исторической памяти в лице индивидуального или коллективного субъекта, отводится роль лишь актуализатора настоящего, в качестве наличного бытия. В другом случае, результатом интерпретации является отождествление предметности реального прошлого с концептуализацией прошлого, т.е. с представлением учёного о самом прошлом. В этом случае, делается вывод, о том, что прошлое нам не дано и поэтому, становятся бессмысленными всякие разговоры о прошлом, как наличном бытии настоящего. Исследователь в обоих случаях сталкивается с такой формой интерпретации социального, в рамках которой любые идеально сконструированные образы социальной предметности прошлого выступают в качестве конвенций, принятых на основе идеологических, геополитических и личностно – психологических соглашений. В результате методологический ресурс исторической памяти направлен не на обоснование продолжения жизни (в духовном, материальном, биографическом плане), а на обслуживание идеологического заказа государства или статусной группы.

Нельзя не отметить, что рассмотренные идеализированные конструкции прошлого презентатируют идею разорванного или внутреннего времени, во власти которого оказывается вся предметность прошлого социального мира. Но прошлое ведь обнаруживается лишь только там, где происходит изменение во времени. Но любое изменение само по себе не исключает наличия в изменённом предмете либо прямых элементов прошлого, либо культурно – генетически связанных с ним процессуальных элементов прошлого. Например, возьмём известный памятник древней истории знаменитую пирамиду Хеопса. Она является признанным всеми памятником предметной – культуры человечества. Внутренняя присущая этому памятнику временная длительность позволяет идентифицировать пирамиду как предмет далёкого прошлого (с точки зрения астрономического времени). Но с другой стороны этот памятник существует и в настоящем. С этой точки зрения нелепо, например, говорить о том, что пирамида Хеопса есть только «след» далёкого прошлого, его символический осколок. Несмотря на значительные изменения и разрушения, накопленные в течение нескольких тысячелетий, это сооружение остаётся генетически тождественным самому себе: в

нём как бы сохраняется связь времён – настоящего и прошлого. В этих случаях «прошлое» так же оказывается обладающим практически той же степенью наличного бытия, что и настоящее, которое никто не станет отождествлять с проекцией на реальность собственных концептуальных представлений об истории.

Но если рассматривать пирамиду Хеопса как феномен культуры, то в своём культурном качестве пирамида претерпела радикальные исторические трансформации. Прежде всего, изменилась культурная функция этого творения древнего зодчества. Сегодня египетские пирамиды несут в себе совсем другой культурный смысл, т.к. символические функции этого памятника обусловлены ценностными ориентациями современного мира.

Таким образом, в определённом отношении, а именно в вещественном своём содержании, пирамида Хеопса является осязаемым прошлым, которое налично как бытие сегодня. В другом отношении, в качестве культурного феномена пирамида Хеопса утратила безвозвратно многие свои специфические функции, например, религиозные, культовые и т.д. И в этом качестве прошлое пирамиды Хеопса объективно нам не дано. Оно (это прошлое) может быть мысленно реконструировано на основе определённых доступных нам источников.

Изложенное показывает, что социальный статус исторической памяти общества актуализируется интересантом для развёртывания сущностной силы человека во времени через признание реальности предметного бытия прошлого в различных формах материальной культуры. Временные аспекты «прошлого бытия» присутствуют не только в предметах материальной культуры, но и в доступных текстовых источниках. Изучение и прочтение этих источников помогают исследователю, с помощью мыслительных форм идеализации, реконструировать те «следы прошлого», что непосредственно нам не даны. Но оказалось, что в собственных языковых структурах текста можно обнаружить присутствие «следов прошлого», как реально существующей предметности. И дело, конечно, не только в базовом постоянстве собственной графической структуры текста. Всегда необходимо учитывать семантические аспекты текста, которые, как всем известно, во временном ракурсе зависят от изменений в содержании социокультурного контекста. При этом само содержание социокультурного контекста регулярно подвергается «круговороту» реинтерпретации, т.е. процессу постоянного смыслового перенесения тех или иных элементов текстовой структуры на предметную реальность. Следует заметить, что сама возможность реинтерпретации текста покоится на определённом постоянстве, тождестве семантической структуры употребляемых, как сегодня, так и в прошлом одноимённых языков. Способность и умение лингвистического перевода текста древнего письменного источника свидетельствует о том, что в постоянстве и тождестве семантической структуры скрывается не только представление о прошлом, как идеальной конструкции, но и социальная объективность предметности прошлого. Таким образом, предметность прошлого, как отражённая реальность, может существовать не только материальной культуры, но и в письменных источниках. И даже эпистемологическая изящность утверждения о том, что реальный статус бытия

предмета определяется не столько его внутренней самостью, а контекстом связей системы, в которой он прибывает, не свидетельствует о фиктивной наличности предметного мира прошлого. Например, вся история науки показывает, что сама научная мысль всегда существует в объективированных предметных формах научного текста, содержание которого оставалось неизменным в потоке текущего времени. Так, труды И. Ньютона, в контексте его эпохи, имели другое влияние на современников, чем на живущих сегодня. Но разве из этого следует, что разрыв с контекстом эпохи Ньютона привёл к тому, что научная значимость его идей канула в Лету и что значимость его трудов существует лишь в представлении историков науки. Конечно, определённые свойства объектов, и даже символические характеристики объекта, под влияние обстоятельств, исчезают, растворяются в прошлом. В этом случае, эти свойства и характеристики объекта становятся сегодня актуально не существующими. Но, эти процессы происходят во-первых не всегда, и не со всякими объектами. Во-вторых, историческая память науки, как элемент общей памяти, всегда будет хранить и транслировать во времени сам статус научной мысли, как предметной формы научного текста. Данная установка позволяет исследователю с оптимизмом дать оценку значимого парадокса постметафизической философии истории. Известно, что этот парадокс в теоретико – методологическом плане выводит аналитика на идею о «конце истории» и постистории [1, с. 39].

Обобщая вышеизложенное, сделаем вывод: историческая память общества успешно «помятует» прошлое, через организованные мыслительные операции, например, интерпретация, которая способна, как отображать предметную реальность прошлого, так и содержать его «чистые конструкты».

В связи с этим, попробуем ответить на вопрос: целостное состояние или фрагмент социального прошлого реконструируется или конструируется учёным в процессе его интерпретационной работы с прошлым? Выскажем гипотезу, что демаркационный водораздел между реконструированием и конструированием событий прошлого определяется *конечным результатом* процедурой интерпретации как способом мышления. Если в ходе интерпретации смысловую нагрузку события, письменного источника или исторического факта удаётся соотносить с объективными параметрами предметной реальности прошлого и при этом верифицировать это соотношение сохранившимися предметами быта, технологическими стандартами, культурными традициями и ритуалами – то реконструирование прошлого в его конкретном многообразии возможно. Через призму единого многообразия в рамках конкретной исторической эпохи можно реконструировать даже поведенческие сценарии людей и их способы отношения с миром.

Но если процесс интерпретации направляется на установление соответствия одних значений и смыслов другим значениям и смыслам, при этом исходный смысл события или факта становится отправной точкой, основанием для другой интерпретации этого же события, то в этом случае исследователь «смело конструирует прошлое». Для подтверждения сказанного проведём сравнительный анализ реконструирования и конструирования одних и тех же исторических

событийных матриц на примере отечественного исторического сериала «Золотая Орда» (реж. Т. Алпатов).

Конструкция	Реконструкция
Событийная матрица: Бунт против орды	
<p>Один из главных героев – великий князь Владимирский Ярослав хочет сбросить гнёт ига Золотой Орды со своего народа</p>	<p>Ярослав – персонаж вымышленный. Но многие русские князья периодически хотели выйти из орды. К примеру, два брата Александра Невского, которых на бунт подбил Даниил Галицкий. Причём это восстание произошло в тот момент, когда Невский находился в Орде. Но он имел настолько высокий авторитет, что смог убедить монголов, что сам разберётся с этой ситуацией, тем самым уберёт Русь от большого кровопролития.</p>
Событийная матрица: Брак с замужней женщиной	
<p>Хан Менгу-Темир должен угнать в Орду тысячи русских воинов, но готов довольствоваться частью, если ему отдадут княгиню Устинью.</p>	<p>Ни один русский князь никогда не отдавал свою законную жену татарским ханам. Причём не из-зи гордости, а потому что таинство брака чтилось как на Руси, так и в Монголии. К слову, если на Руси был скрытый матриархат, то в Монголии он царил в открытую. Супруги правителей сидели рядом с мужьями во время дипломатических переговоров, давая им советы. Например, жена хана Батыя сыграла огромную роль в Орде.</p>
Событийная матрица: Гаремы монголов	
<p>Угнанную в Орду Устинью клеймят на чужбине.</p>	<p>В Орде не клеймили наложниц. Там всегда с уважением относились к женщинам. Когда один из ханов убил вдову своего предшественника, против него поднялись все подданные. Гаремов, как таковых, в то время не было. Хан имел одну жену и наложниц. К примеру, у Чингизхана был целый городок женщин, которых ему присылали подданные. Он не мог отказать от таких «подарков», но и не имел права официально объявить их жёнами.</p>
Событийная матрица: Отношения между народами	
<p>Народ не принимает чужестранку Наргиз и восстаёт против князя Ярослава. Девушку нарекают ведьмой.</p>	<p>Это чистая выдумка. У русских, как и у татар не было национализма в сегодняшнем понимании этого слова. Более того, при Александре Невском один молодой князь Ростовский влюбился в ордынскую татарку и привёз её домой. Родные поначалу были против, но девушка крестилась, приняв православие, вышла замуж и после этого стала полноправным членом семьи. Есть примеры, когда монголы</p>

	женились на наших женщинах и принимали православие.
Событийная матрица: Грозные правители	
Великий хан Золотой Орды Берке – неоднозначный персонаж.	Это собирательный образ, как и Менгу – Темир. У любых народов есть как добрые правители, так и беспощадные (таким у нас был Иван Грозный). Один из ханов, приняв ислам, заставлял других обратиться в религию. Сама мысль заставлять верить по –другому считалась в монгольском обществе дикой и нелепой.
Событийная матрица: Восточная роскошь и славянская скромность	
Хан Берке живёт в роскошном дворце, а Ярослав – в скромных деревянных хоромах. Монголы купаются в роскоши и золоте, а русский ведёт аскетичный образ жизни.	Было действительно так. Славяне спокойно относились к жилью. Делали его удобным и украшали по минимуму. Каменных домов они в принципе не строили – в них в нашей полосе холодно. А у монголов – напротив, каменное жильё было в моде. Русские зато любили наряжаться сами (это показано и в сериале). По идее в любой день могла возникнуть необходимость переезда, поэтому всё своё должно было быть на хозяевах. И жёны русских князей не вешали ковры на стены, а украшали себя.

Сравнительный анализ разных способов восстановления прошлых исторических событий показал доминирующую роль вымысла, различных придумок, собственных фантазий, которые презентатируются как реально существующие структурные элементы той или иной событийной матрицы.

Ради справедливости отметим, что не во всякой конструкции встречаются только вымыслы. Многие конструкции, восстанавливая прошлое, выражают озабоченность поиском соответствия между придуманными образами и реальностью исторических событий – это даже заметно в сериале «Золотая Орда». Но часто, особенно в художественном творчестве, приходится иметь дело с «абсолютным конструктором», т.е. вымысел полностью замещает реальность прошлого. Например, в фильме «Миллион лет до нашей эры», 1966 года, режиссёра Дона Чеффи (Англия, Sevenart – hammer 20-th century fox) наблюдается полное смешение исторических и геологических эпох. Так, в сюжете фильма, посвящённому жизни первобытной общины симпатичные блондинки и брюнетки – кроманьонки бегают с взбитыми причёсками, усердно укреплённые лаком, ухоженным маникюром на руках, сумочками – ракушками с изысканными кожаными ремешками на плечах. Эта беготня разворачивается на фоне борьбы за существование между Алозабрами, Мегалозабрами, Птеродактелями и Шерстистыми мамонтами, которые вообще-то, жили в разные геологические эпохи: Юрский – Меловой (Мезозойская эра) – Ледниковый период (Кайнозойская эра). Данный фильм – пример «чистой конструкции», т.е. конкретная историческая ситуация очищена от любой предметной реальности. Но некоторые фильмы стараются по-

казывать исторические события, бережно реконструируя в своих сюжетах реальные исторические элементы прошлого. Можно назвать фильм «Последний неандерталец», 2010 года (адаптация романа Марка Клапчински) режиссёра Жака Малатье (Франция, UGCFrance 2 Cinema).

Проведённый анализ интерпретационной работы событийными и фактологическими смыслами выявил, по крайней мере, три способа возможного восстановления исторической целостности прошлого. 1. Вариант реконструкции, результатом которого является найденное соотношение внешней и внутренней стороны исторического события (Коллингвуд Р.) [2, с. 202-203] – другими словами, выявленная взаимосвязь между «объективной и «субъективной» и верификации этой взаимосвязи; 2. Вариант конструирования, результатом которого является найденное соотношение различных контуров мыслительных структур (часто в форме идеализации). Основанием этих мыслей и форм выступают априорные когнитивные, лингвистические, аксиологические структуры; 3. Смешанный вариант конструкции / реконструкции, результатом которого является «относительное примирение» оппозиции: предметная реальность – чистая конструкция.

Учёный, работающий с процедурами интерпретации, часто встречается ещё с одним способом описания прошлого, условно назовём его «историческая фейк – реконструкция». Её содержанием является осознанная или бессознательная фальсификация исторического события или факта. Мотивация этой фальсификации поражает своим многообразием. Можно встретиться с идеологической мотивацией, мотивацией материального вознаграждения, стремлением повысить свой авторитет или имидж, искреннее заблуждение. Ярким примером фейкового восстановления исторического прошлого может служить знаменитая история о нахождении гигантской мумии индейца из Северной Америки, которую нашли в одной из пещер, недалеко от Сан-Диего. Профессор Томас Уилсон, куратор отдела доисторической антропологии Смитсоновского института заверил, что мумия подлинная. Но потом, возник скандал, связанный с тем, что эксперты Американского института альтернативной археологии обвинили коллег в том, что данные о мумии засекречены. В итоге выяснилось, что мумия поддельная. Вместо кожи у неё засохший желатин, вместо волос – пакля. Кости, правда, человеческие, но отодвинутые в суставах друг от друга, чтобы создать эффект «вытянутого тела». И сколько подобных фейковых историй хранит историческая память во всех уголках мирового сообщества.

Подведём итоги сказанному. В процессе интерпретационных процедур, появляется возможность различных способов и приёмов восстановления прошлого. Контур реконструкции или конструкции прошлого, как теоретико – методологической оппозиции находится в поле философской рефлексии. Сегодня это поле, к сожалению, всё больше размывает историческую целостность реального бытия прошлого на логику и философию ценностей (Генрих Риккерт) или на философию языка и теорию нарратива (Хейден Уайт, Ханс Келлнер, Франк Анкерсмит). Оба этих подхода работают в рамках единой установки – замещения онтологии гносеологической проблематикой. Как всем известно, реализация

этой установки привела к трактовке исторической реальности прошлого в качестве «вещи в себе». Заметим, что предметную реальность можно интерпретировать конструктом – это обычная исследовательская практика. Но то, что события прошлого сконструированы, не означает, что нужно отрицать наличие предметной реальности, которая объективирована в артефактах, достоверных письменных источниках и формах научной мысли. А то, что изучение прошлого проводится посредством изучения письменных источников, не отрицает того, что можно получить достоверное знание о конкретном событии или факте. А может быть проблема исторического познания не так уж и сложна? Красота и романтика как сконструированной, так и реконструированной реальностью помогает нам пережить трудности настоящего и не терять надежды на светлое будущее. Кто знает...

Литература

1. Дёмин И. В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2017. 273 с.
2. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.
3. Левин Г. Д. Принципы сохранения и монизма как методологическая основа методологии // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 91-101.

Социальный идеал в современном историческом исследовании

Шетулова Е.Д., Нижний Новгород
д. филос. н., профессор кафедры методологии,
истории и философии науки,
Нижегородский государственный
технический университет им. Р.Е. Алексеева

Цель статьи заключена в анализе социального идеала как составной части современного исторического исследования. В основу анализа положены три постулата: история есть социально-гуманитарная наука, историческое исследование даёт не только знание о прошлом, но и о настоящем и будущем, развитие социальных наук бессмысленно без определения идеалов исторического движения общества.

Ключевые слова: социальный идеал, социальная наука, историческое исследование, либерализм, консерватизм, марксизм, методология.